

ДОМИК ИЗ ПОДОДЕЯЛЬНИКОВ

РАССКАЗ

 НАТЯ САМАНИ

Драматург, сценарист. Родилась в 1991 году на Урале. Студентка театрального института г. Екатеринбурга (отделение драматургии, мастер Н.В. Ноляда). Монолог «Я — Юра» входит

в репертуар Ноляда-театра (спектакль «Четыре напли»). Пьесы «Огонь должен жечь» и «Пограничники» вошли в шорт-лист конкурса «Евразия» (2022, 2023). Резидент дома творчества Переделнино (лето 2023-го).

Когда Ленка была маленькой, она жила с братом в одной комнате. Ленка считала его лучшим человеком на Земле. И человеком, который должен уделять ей все свое внимание. Если этого не происходит, можно закатить истерику. Приходит мама, и Люстик получает подзатыльник. Потому что старший.

Люстик — это Илья. Ленка поначалу не выговаривала слово Илюшник и говорила Люстик. Так и осталось. Он был не против. И молчал, когда прилетал тот самый подзатыльник. Если любишь — надо терпеть. Но сестре было только пять — а ему уже двенадцать! Люстик не хотел наряжать кукол, он мечтал гонять на велике с пацанами, падать и хвастаться своими содранными коленками.

Пришлось придумывать общие игры. Например, бокс. Ленка надевала большие кожаные папины перчатки, а брат оставался с голыми руками, потому что мужик. Но бил он, конечно, понарошку. А Ленка — по правде. Люстик хотел, чтобы сестра училась себя защищать. А она была уверена, что лучшая защита — старший брат.

Еще одной игрой был домик из пододеяльников. Люстику нравилось сооружать башни из табуреток и натягивать на них «крышу».

Дети прятались в домик и рассказывали друг другу свои секреты.

— Люстик... а я конфеты под подушку прячу и ночью их ем.
 — Мне не жалко.
 — Теперь ты!
 — Мне кровь из пальца брали. И я решил посмотреть, как течет...
 — Больно?

Люстик смерил сестру взглядом и уже совсем другим голосом ответил:

— Нет, конечно! Я же мальчик.
 — Жаль, что я не мальчик, — сказала Ленка.

По выходным родители разрешали Люстику приводить домой друзей и играть в «Денди». Сестре он говорил: смотри, Ленка, как интересно сейчас будет. Она сидела и смотрела. Интересно не было. Но хотелось быть рядом.

А потом брату исполнилось семнадцать, и он уехал учиться в большой город. Приезжал раз в месяц. Ленка стала спать на его кровати. Почему-то вернулись старые привычки из детства: она оставляла на полу мягкие игрушки, которыми раньше кидалась в брата, чтобы он не уснул. Опять стала прятать конфеты под подушку.

Но это не помогало. Кровати с пружинками увезли в гараж. И старый шкаф. И шахматную доску, на которой карандашом было написано «Люстик дурак». Теперь в комнате стоял раскладной

диван, комод, компьютерный стол, стул на колесах и жалюзи вместо штор.

Однажды Люстик приехал из института с какой-то дылдой. Родители были на работе, а Ленка температурила. Она лежала пластом и надеялась получить все внимание брата. Но он ушел с дылдой в другую комнату. А потом ходил по квартире в папином халате. Ленка это заметила и все, конечно, поняла. Но видеть в брате уже взрослого мужчину очень не хотелось. Она заплакала. В этот день Люстик впервые перестал быть для нее лучшим человеком на Земле.

Когда он окончил институт, домой возвращаться не стал, нашел работу в городе. Ленка метнулась туда же и даже смогла поступить на бюджет. Не то чтобы она была сильно умная, скорее упертая, родительские деньги тратить принципиально не хотелось. Она видела, как им было тяжело оплачивать учебу Люстика и отказываться от трат «на себя».

Но эти старания были перечеркнуты.

В тот день, когда Ленка уже собирала вещи для переезда в студенческое общежитие, случилось то, что резко сдернуло с психики защитный слой. И все мечты о взрослой жизни и собственном будущем – испарились.

Папе стало плохо. Скорая. Срочная операция. Ждали четыре часа. Потом вышел хирург с красными глазами. Мама пошла покурить с ним на улицу, Ленка осталась сидеть в коридоре. Обстановка совсем не соответствовала ситуации. Какие-то массивные колонны вокруг, широкая лестница, перила с красивыми узорами, высокий потолок. «И что тут раньше было? – думала Ленка. – Балы, что ли, устраивали? Теперь тихо. И пахнет лекарствами».

Мама вернулась. Диагноз – без шансов на будущее. Ленка не верила, что с ними такое могло произойти. Так не бывает. Врачи не правы.

Она каждый день приходила к хирургу и тыкала ему под нос статьи из интернета.

– Вот, смотрите, надо сделать дополнительный анализ крови! Это может быть совсем другое!

– Девушка, послушайте, я ведь все своими глазами видел.

Хирург был уже в возрасте. Говорил спокойно и вежливо. Рядом сидел его молодой коллега, который быстрее терял терпение:

– Да тут бесполезно. Ни хрена не поймет. И что вы ему жизнь спасли, и что возились четыре часа с прогнившим кишечником непонятно зачем.

– Да пошли вы! – ответила Ленка и вышла из кабинета.

Хирург, который в возрасте, догнал ее в коридоре и сказал:

– Я бы очень порадовался, если бы оказался не прав. Пробуйте.

Пока мама готовила супы и ходила по больницам, выбивая сильные обезболивающие, Ленка научилась ставить уколы и не плакать при папе. Когда она с ним разговаривала, в горле собирался комок, колючий и тяжелый. Но Ленка его проглатывала. Со временем вошло в привычку. Слезы не показывать, смерти нет, а ваш «удобный для желудка» суп-пюре – это не еда.

Папина комната из-за раскиданных повсюду коробочек с лекарствами, бинтиков, баночек и шприцев стала похожа на больничную палату. И папа совсем другой. У него были сухие губы, нос почему-то стал острее, ноги тоньше. Глаза все такие же голубые, красивые, но пустые. Ленка так хорошо запомнила этот образ, что потом начала как-то интуитивно замечать на улице людей, близких к смерти. А может, она это себе придумала. Папа-то точно не умрет. Они же все для этого делают. Даже то, во что раньше не верили. Настойка мухомора, какой-то вонючий сироп, которым лечат лошадей, православные молитвы.

Брат появлялся редко. Ленку это добивало окончательно. Она боялась задавать ему неудобные вопросы и думала: «Люстик, пожалуйста, заговори первым». Но он молчал.

Скоро ей все стало понятно.

Люстик зашел к отцу в комнату с целлофановым пакетиком в руках. Там были фрукты. Он положил их на тумбочку. Сел у кровати. Папа начал что-то спрашивать его. Ленка заметила, как брат сдерживает слезы и краснеет. Потом он резко встал и сказал: «Пап, у тебя тут лампочка почти не светит, сейчас я новую куплю схожу, поменяю», выскочил в коридор и, впервые на Ленкиной памяти, зарыдал.

Лампочку он уже не принес. А папа взял пакет с тумбочки и отдал маме со словами «мне его фрукты не нужны». Он хотел внимания, а собственный сын не мог просидеть с ним рядом и минуты. Люстику было тяжело видеть папу таким. Страх и жалость порождают бессилие, которое постыдно в мужском мире.

После этого случая Люстик не приезжал два месяца. Ленка устала ждать и приехала к нему сама.

Они разговаривали про работу Люстика, про его новый холодильник и Ленкину стрижку. Потом темы кончились. А напряжение – нет. Ленка осталась на ночь и легла спать в соседней комнате. Стало очень тихо. Она лежала с открытыми

глазами и чувствовала, как комок в горле растет и больше не проглатывается. Лена встала, пододвинула письменный стол ближе к дивану, сдержала пододеяльник, простыню и соорудила домик. Потом зашла в комнату к брату.

– Люсик, спишь?

– Нет, – ответил он.

– Пойдем.

Ленка затащила брата в домик. Хотя поместиться там вдвоем, как раньше, было уже сложнее. Она стала говорить быстро, чтобы успеть сказать все, пока комок не вырвался из горла.

– Где мой брат? Отвечай! Что мне делать? Я тоже не справляюсь! Не надо ничего покупать, просто приезжай! Приезжай, пожалуйста. Хочешь, я научу тебя слезы сдерживать, хочешь? Это не сложно.

Люсик не мог посмотреть на сестру. Кусал губы.

Ленка успокоилась.

– Ты можешь не говорить, если не хочешь, – сказала она.

– Лена... я врать не хочу... Кто вообще эти пододеяльники придумал, издевательство какое-то, дырка в пять раз меньше одеяла... А ты – безответственная! Ну как так можно, поступить на бюджет и не поехать?

Ленка почувствовала, что снова может проглотить комок.

– Ты скотина! – ответила Ленка. – Я тебя ненавижу!

Она вылезла из домика и стала одеваться. Пальто никак не застегивалось, пальцы не слушались. Одна пуговица отпала. Лена села на стул, ее трясло, а заплакать не получалось. Люсик так и не вышел.

Лена увидела на тумбочке карманный фонарик. Взяла его, включила и залезла обратно в домик.

– С маленьким светом будет не так страшно, – сказала она. – Он не слепит, но позволяет видеть друг друга. Попробуй смотреть на папу также. Представь, что видишь смерть не очень четко, как бы прищурившись. Будет не так больно. Всей картины не видно, но этого достаточно, чтобы увидеть его... таким.

Брат посмотрел на Ленку в упор и сказал:

– Нельзя так. Тут или открытыми глазами надо смотреть, или никак. Я не могу.

– И что мне теперь делать? – спросила Лена.

– Выходи из домика.

Люсик выключил фонарик и ушел на кухню.

Ленка включила фонарик обратно. И закрыла глаза.